

Михаил Прозуменщиков

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ПОЛЬШЕИ ВЕНГРИИ 1956 г. НА ЭВОЛЮЦИЮ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ¹

1956 год вошел в мировую историю как год великих политических потрясений. Десятки книг, сотни статей, написанных за прошедшие 40 лет на эту тему, дают самое широкое освещение всех аспектов происходивших событий, богатую палитру взглядов, суждений, оценок. Однако до последнего времени эти оценки не были в достаточной степени подкреплены документами, которые хранились „за семью печатями“ в архивах коммунистических стран. Лишь благодаря демократическим преобразованиям конца 1980-х – начала 1990-х годов, произошедших в странах Восточной Европы, и, прежде всего, в Советском Союзе, стало возможным использовать документальную базу для подтверждения или опровержения тех или иных гипотез, которые своим рождением были во многом обязаны отсутствию доступа к архивным материалам в прежние годы.

В настоящей работе исследуется советская политика в отношении других стран социалистического лагеря в середине 1950-х годов именно на основе документов бывшего Архива ЦК КПСС на Старой площади, ныне хранящихся в Центре хранения современной документации. Автор не ставил цель осветить в одной работе весь многообразный комплекс проблем, относящихся к данной теме, а стремился показать эволюцию подходов высшего советского руководства к решению вопросов, которые назрели во взаимоотношениях между социалистическими государствами, в том числе и под влиянием событий 1956 года, а также выяснить влияние этих событий на зарождение и развитие советско-китайских противоречий, приведших в дальнейшем к расколу в коммунистическом мире.

---

¹ Настоящая статья была написана в 1997 г. и содержит формулировки, определения и названия, характерные для того времени (в частности Центр хранения современной документации в 1999 году был преобразован в Российский государственный архив новейшей истории). Это же касается и использованных в статье архивных документов: за прошедшие восемь лет были рассекречены и стали достоянием научной общественности новые документы, позволяющие дать более объективный и детальный анализ событиям, происходившим в 1950-е гг.

* * *

Смерть Сталина в 1953 году не привела к немедленному развалу системы сталинизма, как на это рассчитывали многие ее противники. В то же время, уход с политической арены человека, в течение 30 лет контролировавшего все международное коммунистическое движение, породил качественно новую ситуацию: преемники „вождя всех народов“ должны были либо проводить прежнюю сталинистскую политику, не обладая при этом ни авторитетом, ни влиянием Сталина, либо найти замену сталинизму, понимая при этом, что подобная перестройка может существенно повлиять как на систему взаимоотношений внутри советского блока, так и на положение непосредственно в самих странах «народной демократии». Такая дилемма предопределила противоречивые действия советского руководства на международной арене в первые после сталинские годы, когда, с одной стороны. Советский Союз экспериментировал, пытаясь найти какой-то новый подход к решению старых проблем, а с другой – временами прибегал к прежним сталинским методам решения вопросов в духе единства власти и идеологии.

В частности, в этот период Москва не только перестала контролировать процесс восприятия „передового советского опыта“ в странах социалистического мира, но даже выразила некоторое осуждение как излишне ретивых советских чиновников, командовавших в странах народной демократии как в своих вотчинах, так и вообще практики некритического подражания всему советскому, что было характерным явлением для сталинизма. Суровой критике был подвергнут в 1955 году посол СССР в Польше Попов, который „взял на себя функции контроля за деятельностью ЦК Польской рабочей партии и польского правительства, диктовал польским друзьям свои указания, допускал высокомерное отношение к польским товарищам“².

При этом Попов вовсе не был исключением из правил: аналогичные ситуации имели место в Болгарии, Венгрии, Чехословакии. Москве пришлось давать „твердые указания всем советским послам в странах народной демократии, чтобы они не допускали превышения своих полномочий, не вмешивались во внутренние дела этих стран“³.

Явно не укладывалось в русло старых традиций и новое, достаточно критическое отношение Москвы к бездумному копированию или огульному восхвалению всего советского, как это было принято раньше в социалистических странах. Уже в 1953 году не заслужила советского одобрения проведенная Лодзинским воеводским комитетом ПОРП викторина „Что ты знаешь о Стране Советов?“ не столько из-за ее

---

² Выступление Н.Хрущева на Пленуме ЦК КПСС. 9 июля 1955 г. // Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 130.

„малозначительности по пропагандистским результатам“, сколько из-за примитивного подражания проводившимся одно время в СССР полит викторинам⁴. В заявлениях некоторых советских представителей в Восточной Европе стали появляться упоминания о том, что Советский Союз тоже может научиться чему-то у стран народной демократии. А в Китае Совинформ бюро даже предложило предоставлять китайским друзьям некоторые „негативные“ материалы о жизни в СССР, так как китайские газеты были чрезмерно заполнены одними восторженными откликами о советском образе жизни⁵.

В русле этих новых веяний подверглись критике и советские средства массовой информации за „парадный характер“ статей о странах социалистического мира, по которым „едва ли можно составить живое представление о сложных и больших процессах социалистического строительства“⁶.

Разумеется, подобные сдвиги в политике советского руководства объяснялись отнюдь не внезапно проснувшимся продекларированным стремлением „проявлять самое чуткое и тактичное отношение к национальным чувствам других народов“⁷. Смерть Сталина, ликвидация Берия, дискредитация и ослабление карательных органов как в СССР, так и соответственно в Восточной Европе – все это способствовало серьезному ослаблению системы советского контроля, а также того почтительного страха, который испытывали перед Москвой в социалистическом лагере. Правда, в распоряжении СССР оставались военные контингенты в Европе, которые напомнили о себе в июне 1953 года в ходе подавления восстания в Восточном Берлине. Однако новое советское руководство, сделавшее ставку на разрядку международной напряженности и экономическое соревнование с капитализмом, вовсе не было заинтересовано в том, чтобы предстать перед мировым сообществом в виде вооруженного монстра, силой загоняющего непокорные страны в лоно социализма⁸.

Свою роль играла и поступающая в ЦК КПСС информация о том, что существовавшая практика взаимоотношений между Советским Союзом и социалистически-

---

³ Там же. Л. 152.

⁴ Информация Совинформбюро в Польше о проведении конкурса „Что ты знаешь о Стране Советов?“ // Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 162. Л. 4-9.

⁵ Отчет Совинформбюро о деятельности в КНР за 1954 г. // Там же. Д. 185. Л. 142-143.

⁶ Выступление Н.Хрущева на Пленуме ЦК КПСС. 9 июля 1955 г. // Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 136.

⁷ Там же. Л. 118.

⁸ Будучи уверенным в скорой и окончательной победе социализма над капитализмом, в стремительном расширении социалистического лагеря, Хрущев в то же время считал, что СССР должен „сделать все для того, чтобы социалистический лагерь становился все более притягательным для трудящихся капиталистических стран“ // Там же. Л. 124.

ми странами вызывала недовольство в этих государствах и была чревата развитием антисоветских настроений⁹.

В то же время СССР отнюдь не был настроен рассматривать в эти годы своих союзников в качестве субъектов сколь-нибудь самостоятельной политической деятельности на международной арене. В решении глобальных политических вопросов Москва продолжала по-прежнему крайне редко советоваться с ними, ставя социалистический мир зачастую уже перед свершившимися фактами.

Когда в 1955 году советское руководство восстановило прерванные при Сталине отношения с Югославией, представители социалистического лагеря были просто проинформированы об уже принятом решении, причем в Москве в общем-то не сомневались в положительной реакции¹⁰. Также с большим опозданием СССР информировал Польшу о ходе своих переговоров с представителями Германской Федеральной Республики в сентябре 1955 года, хотя советское руководство было прекрасно осведомлено о том, сколь внимательно следят за этими переговорами в Варшаве, опасаясь, что восстановление единой Германии может быть произведено в том числе и за счет территориальных уступок со стороны ПНР¹¹.

Самым же главным событием, о котором никто из союзников не был заранее проинформирован и которое взорвало весь коммунистический мир, стало выступление Хрущева на XX съезде КПСС с докладом о культуре личности Сталина. Певшие в своих выступлениях на съезде осанну курсу Ленина-Сталина, руководители социалистических государств не подозревали, что буквально через несколько дней им придется объяснять в своих странах необходимость борьбы с культом одного из классиков марксизма-ленинизма. Парадокс ситуации заключался в том, что осудив стали-

---

⁹ Совершенно неожиданно для советских лидеров наиболее ярко проявление антисоветских настроений в странах народной демократии наблюдалось в ходе проведения спортивных состязаний между спортсменами СССР и других социалистических стран. В связи с этим в ЦК КПСС даже поступали предложения об ограничении проведения ряда спортивных мероприятий, поскольку антисоветские элементы используют их в своих провокационных целях // Справка корреспондентов газеты „Правда“ о ходе соревнований в Румынии и Венгрии / Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 81. Л. 13-16, 49-52.

¹⁰ Комментируя оценку другими компартиями советского решения по Югославии, Н.Булганин с удовлетворением цитировал польского лидера Б.Берута, который заявил, что „народ Югославии - хороший народ. Нельзя мириться с тем, чтобы его толкали в жертву американскому империализму. Вопрос вами ставится совершенно правильно“ (Выступление Н.Булганина на Пленуме ЦК КПСС. 9 июля 1955 г. // Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Л. 67). Правда, при этом сам Берут, выступая по этому же вопросу на совещании в ЦК ПОРП, не смог толком ответить на все вопросы, в результате чего польский партактив, в свою очередь, ничего не смог сказать вразумительного во время бесед с трудящимися ПНР о положении вокруг Югославии // См.: Запись беседы консула СССР в Кракове Ю.Беркова с секретарем ВК ПОРП в Кракове Э.Габара/ Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 297. Л. 109.

¹¹ Запись бесед Генконсула СССР в Гданьске Н.Талызина с первым секретарем ВК ПОРП в Гданьске Я.Трушем и секретарем по сельскому хозяйству ВК ПОРП в Гданьске Ялошинским // Там же. Л. 121, 130.

низм и нанеся сокрушительный удар по тем коммунистическим лидерам (в том числе и в СССР), которые мыслили по-сталински, Хрущев вместе с тем вел себя так, будто он и его партия, как и во времена Сталина, могли по-прежнему сами диктовать законы, обязательные для всего коммунистического мира.

Хотя Хрущев и признавал впоследствии, что в Москве ожидали определенных осложнений после его выступления, однако он считал, что, как и при Сталине, коммунисты всего мира сделают требуемый политический разворот, дружно встав вслед за СССР на путь десталинизации¹². Первая официальная реакция других коммунистических партий, вылившаяся, как обычно, в некритическое восхваление того, что было заявлено Москвой, заслонила от советских руководителей на какое-то время бурные политические процессы, развернувшиеся в ряде европейских стран на фоне беспомощности и оцепенения партийных функционеров.

Идеологическая сумятица, царившая в коммунистическом мире после XX съезда КПСС, нашла своеобразное отражение в ходе празднования 1 Мая 1956 года, когда был нарушен единый „портретный ритуал“, обязательный в таких случаях для стран социалистического лагеря: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, а дальше портреты партийно-государственных лидеров национального масштаба. В мае 1956 года в Москве „тихо“ исчезли портреты „вождя всех народов“; в Пекине, несмотря на то, что китайцы заранее выясняли у русских „некоторые вопросы о вывешивании портретов в праздничные дни“, огромные изображения Сталина остались на прежних местах¹³; наконец, в Варшаве были выставлены портреты только что реабилитированных руководителей КПП, которые по распоряжению того же Сталина были расстреляны в 1938 году.

Гораздо более опасной, чем чехарда с портретами, была для советских лидеров лавина критики, обрушившаяся в разных странах на коммунистов и Советский Союз, а также с готовностью подхваченная в Польше и Венгрии идея лидера итальянских коммунистов П.Тольятти о том, что культ личности Сталина мог быть порожден самой советской системой¹⁴. Тем не менее, вера в магическую силу решений, принятых в Кремле, продолжала сохраняться даже тогда, когда стало ясно, что развитие событий в коммунистическом мире идет совсем не так, как это планировали московские реформаторы. Публикуя (во многом вынужденно) спустя четыре с лишним месяца после съезда Постановление ЦК КПСС „О преодолении культа лично-

---

¹² Характерно, что в ходе бурных заседаний Пленумов ЦК КПСС 1955-1957 гг. и Хрущев, и его оппоненты неоднократно вспоминали факт безоговорочной поддержки коммунистами всего мира пакта Риббентроп-Молотов 1939 года. Лавры Сталина, спокойно сделавшего поворот в политике на 180°, явно не давали покоя советским лидерам.

¹³ Запрос ЦК КПК в ЦК КПСС о порядке вывешивания портретов в праздничные дни // ЦХСД. Ф. 5. Оп. 26. Д. 407. Л. 6.

¹⁴ О преодолении культа личности и его последствий. М., 1956. С. 20.

сти и его последствий“, Хрущев откровенно признавался, что этот документ, „как мы надеемся, поможет братским партиям побыстрее покончить с некоторыми трудностями, вызванными шумихой реакции вокруг последствий культа личности Сталина, и перейти к решению стоящих перед ними актуальных задач“.

Между тем, „трудности“, возникшие в братских партиях, нельзя было ликвидировать одним росчерком пера, и Москве очень скоро пришлось это осознать, столкнувшись с ситуацией в Венгрии и Польше, партийное руководство которых постепенно утрачивало контроль над положением в своих странах. Причем если в Венгрии сталинистское руководство откровенно не могло и не хотело проводить какие-либо преобразования, то в Польше внезапная смерть вскоре после XX съезда руководителя ПОРП Б.Берута, одного из „последних могикан“ сталинской школы, застала врасплох польских лидеров на переломном рубеже.

Несмотря на то, что советское руководство пристально следило за развитием событий в странах народной демократии, очень часто Москва была не в состоянии адекватно реагировать на процессы, происходящие в них, а это, в свою очередь, порождало ошибки, просчеты, неверную оценку ситуации. События в Познани в июне 1956 года были однозначно оценены советской стороной, как провокация империалистических „рыцарей плаща и кинжала“, „provokatorov, diversantov, oplachennyykh iz zaokhean'skikh denegnykh fondov“¹⁵. По иронии судьбы, эта оценка была дана в тексте Постановления о преодолении культа личности, опубликованного в эти же дни.

И хотя в Москве делали оговорку, что эти события были также в некоторой степени связаны с „экономическими трудностями и недостатками, имевшими место на некоторых предприятиях в Познани“, главная причина советскими лидерами виделась в одном – в происках империализма¹⁶. Более того, в СССР полагали, что теперь, после Познани, вряд ли в социалистическом лагере может произойти нечто подобное, и А.Микоян, обсуждая с венгерскими руководителями положение в Венгрии в июле 1956 года, подчеркивал, что „нельзя допустить, чтобы здесь произошло что-либо неожиданное и неприятное, подобное познаньским событиям“¹⁷.

Что касается Венгрии, то в Москве давно видели назревшую необходимость в смене венгерского руководства, на неспособность которого выправить положение в стране указывали как советские представители в Венгрии, так и высокопоставлен-

---

¹⁵ Там же. С. 25-26.

¹⁶ В данном случае это был типичный пример справедливо подмеченной Дж.У. Фулбрайтом нелогичной психологии, которую породила „холодная война“. В сложившейся ситуации бремя доказательств лежит не на тех, кто предъявляет обвинения, а на тех, кто подвергает эти обвинения сомнению. Соответственно, по такой логике в событиях в Познани виновны империалисты, пока они не докажут обратное, или просто виновны, потому что они - империалисты.

¹⁷ Запись бесед А.Микояна с руководителями Венгрии 13-14 июля 1956 г. // ЦХСД. Ф. 89. Оп. 45. Д. 3. Л. 6.

ные советские эмиссары - Микоян, Суслов¹⁸. Дело дошло до того, что сам руководитель венгерских коммунистов Ракоши признавал, что главный огонь критики направлен не столько против партии, сколько против него, и в случае его отставки обстановка может несколько разрядиться¹⁹. В этих условиях совершенно нелогичной со стороны Москвы выглядела приветственная телеграмма ЦК КПСС по поводу 11-й годовщины освобождения Венгрии, где безмерно восхвалялась и преувеличивалась роль Ракоши²⁰.

Огромное значение для советского руководства, во многом самого еще находившегося под влиянием старых догм, имела угроза поступиться где-либо своими принципами. Восстановление в партии венгерских коммунистов И.Надя, введение в состав польского руководства некогда опального В.Гомулки, отстранение Ракоши, готового отвечать за все ошибки, только чтобы „враждебные элементы не возлагали всю ответственность на СССР и КПСС“²¹, – все эти события постоянно рассматривались в Москве как уступка правым силам²². Однако под напором событий эти уступки все равно приходилось делать, причем по мере обострения ситуации уступки становились все более значительными.

В этом плане характерной является стремительная эволюция в отношении советских руководителей к такой фигуре, как Я.Кадар. Еще в апреле 1956 года Кадар расценивался тогдашними венгерскими руководителями как оппозиционер, демагог и даже обвинялся в предательстве своих товарищей в годы войны. Бывший в те годы послом СССР в Венгрии Ю.В.Андропов полностью соглашался с такими оценками, заявляя, что введение Кадара в Политбюро венгерской компартии „было бы серьезной уступкой правым и демагогическим элементам“²³. В июле 1956 года Микоян с Ракоши уже считали, что кандидатура Кадара в качестве члена Политбюро может быть приемлемой, „хотя в его выдвижении и есть некоторый риск“²⁴. Наконец, в октябре-ноябре этого же года Кадар иначе как „стойким и верным коммунистом“ уже не именуется.

Были и другие, более существенные уступки, на которые пришлось пойти советским лидерам. По просьбе находившегося в Москве проездом на VIII съезд КПК руководителя польских коммунистов Охаба Хрущев согласился на упразднение института советских советников при Комитете Общественной Безопасности ПНР. В даль-

---

¹⁸ Там же. Л. 8-10.

¹⁹ Запись беседы представителей советского посольства в Венгрии с Ракоши 26 июня 1956 г. // Там же. Д. 2. Л. 4.

²⁰ Запись бесед А.Микояна с руководителями Венгрии 13-14 июля 1956 г. // Там же. Д. 3. Л. 13.

²¹ Шифр телеграмма посла СССР в Венгрии Ю.Андропова от 29.04.56 г. // Там же. Д. 1. Л. 4.

²² Запись бесед А.Микояна с руководителями Венгрии 13-14 июля 1956 г. // Там же. Д. 3. Л. 4, 12.

²³ Шифр телеграмма посла СССР в Венгрии Ю.Андропова от 29.04.56 г. // Там же. Д. 1. Л. 6.

²⁴ Запись бесед А.Микояна с руководителями Венгрии 13-14 июля 1956 г. // Там же. Д. 3. Л. 5.

нейшем Москва сама предложила убрать также военных советников, находившихся в рядах Войска Польского²⁵.

Серьезные уступки были сделаны и в области экономических отношений СССР со своими союзниками. Уже сразу после познаньских событий на заседании Президиума ЦК КПСС рассматривался вопрос об оказании (по просьбе руководства ПОРП) экономической помощи Польше, причем рефреном на заседании звучала фраза - „Всё дать!“ (и джут, и шерсть, и золото). Одновременно на заседании практически впервые на столь высоком советском уровне прозвучало заявление о необходимости специально рассмотреть вопрос о ценах, по которым СССР закупал товары в Польше. Этот вопрос был для поляков (да и не только для них) наиболее болезненным, ибо система экономических отношений в социалистическом мире, установленная еще при Сталине, вызывала много нареканий среди стран Восточной Европы и являлась одним из источников их недоброжелательного отношения к Советскому Союзу. В то же время Хрущев, судя по его неоднократным официальным и неофициальным выступлениям, до середины 1956 года не усматривал в этом серьезной проблемы и ломать устоявшиеся отношения не планировал. Жизнь внесла свои коррективы и в этом вопросе.

В сентябре 1956 года Охав неофициально передал Микояну записку, составленную польскими официальными органами, в которой речь шла о поставках угля из Польши в СССР по льготным ценам, и выражалось мнение, что эти поставки наносят серьезный ущерб экономическим отношениям между двумя странами. Несмотря на сложную ситуацию в Польше, советская сторона и в этот раз не признала польских претензий, заявив, что Соглашение от 16 августа 1945 года по этому вопросу неправильно было бы рассматривать изолированно от других сторон экономических отношений СССР и ПНР в послевоенный период, упомянув также о германских активах, от которых СССР отказался в пользу Польши на ее территории в новых границах. Учитывая, что этот ответ был передан Охабу официально, через посла Советского Союза в Польше, можно предположить, что Хрущев не только знал, но и разделял сформулированный в ответе подход к советско-польским экономическим отношениям.

Однако меньше, чем через год Хрущев все же признал, что „мы раньше сделали немало плохого в странах народной демократии. Возьмите Польшу. Неловко было встречаться с польскими товарищами. Мы установили цены на уголь, получаемый из Польши, ниже мировых цен. Нужно учитывать, что в Польше еще сильны антисоветские настроения, а тут мы еще добавили горючего для врагов Советского Сою-

---

²⁵ Проект письма ЦК КПСС ЦК ПОРП по вопросу о советниках КГБ в Польше // Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 67. Л. 129.

за и Народной Польши. Нельзя было этого делать²⁶. Тот факт, что Хрущев говорил это не в порядке самокритики, а используя в качестве аргумента против В.Молотова, положения не меняло: советский руководитель был не хуже Молотова осведомлен обо всех нюансах экономических связей СССР со своими союзниками, но до определенного момента считал их нормальными.

Начало нового этапа в экономических отношениях между странами социализма ознаменовалось как принятием СССР „Декларации правительства СССР об основах развития и дальнейшем укреплении дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами“ от 30 октября 1956 года, так и серией оперативно заключенных двусторонних деклараций на рубеже 1956-1957 годов, призванных, с одной стороны, закрепить общие принципы двусторонних партнерских отношений, а с другой стороны – отвести от Москвы обвинения в продолжении сталинской политики неравноправных договоров со своими союзниками²⁷.

События 1956 года стали важным моментом в борьбе за лидерство в международном коммунистическом движении. Хотя вопрос о том, какая страна является ведущим государством социалистического лагеря, в тот момент не стоял, и никто не оспаривал лидерство Советского Союза, место вождя коммунистов всего мира после смерти Сталина оставалось вакантным. Помимо Хрущева, на это место претендовали также руководитель китайской компартии Мао Цзэдун и „реабилитированный“ И.Тито, с которым Хрущев, вопреки ожесточенному сопротивлению Молотова, настойчиво пытался восстановить не только межгосударственные, но и межпартийные отношения²⁸. Идя на компромисс с Тито в признании различных путей развития социалистических стран, Хрущев явно рассчитывал интегрировать Югославию в советский лагерь и тем самым нейтрализовать попытки югославов распространить свои идеологические взгляды (имевшие существенные различия со взглядами Москвы, но пользовавшиеся популярностью в Варшаве и Будапеште) на другие социалистические страны.

В отличие от югославов, стремившихся сохранить свою идеологическую независимость и свободу от вхождения в единый коммунистический лагерь, китайцы, на-

---

²⁶ Выступление Н.Хрущева на Пленуме ЦК КПСС. 28 июня 1957 г. // Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 247. Л. 80.

²⁷ Были заключены: советско-румынская и советско-германская (7 января), советско-чехословацкая (29 января), советско-болгарская (21 февраля), советско-венгерская (28 марта), советско-албанская (17 апреля 1957 г.) декларации. Вместе с советско-польским соглашением, заключенным еще в 1956 г., они создали новую систему отношений в социалистическом мире.

²⁸ Несмотря на постоянное давление со стороны других членов ЦК КПСС, Молотов продолжал придерживаться того взгляда, что сближение с Югославией „возможно, главным образом, по межгосударственной линии“, а рассчитывать „на полное взаимопонимание и устойчивое идеологическое и политическое единство между КПСС и СКЮ не приходится“ // Выступление В.Молотова на Пленуме ЦК КПСС. 9 июля 1955 г. / ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 50.

оборот, при каждой возможности говорили о необходимости твердого единства стран социализма во главе с Советским Союзом. В разгар кризиса в Восточной Европе в октябре-ноябре 1956 года практически каждое выступление любого из руководителей КПК начиналось с заявлений, что СССР – есть центр социалистического лагеря, а других центров нет и быть не может²⁹. Вместе с тем, выступая за единство советского блока, китайцы одновременно ратовали за равноправие всех его членов, против того, чтобы одна страна командовала другими. Подобная позиция Пекина до определенного времени устраивала всех: сторонники реформ в восточноевропейских странах считали китайцев своими главными союзниками в борьбе за большую независимость от Москвы; Хрущеву же импонировала та твердость, с которой Китай отстаивал идею единства коммунистического мира во главе с СССР³⁰. Как бы в ответ, советские руководители то и дело упоминали о том, что силы мира, социализма и демократии возглавляют Советский Союз и Китайская Народная Республика³¹.

В 1956 году ситуация и в этом вопросе стала меняться. Не отказавшись от тезиса единства, китайцы недвусмысленно поставили под сомнение правомочность Хрущева единолично решать сложные вопросы, касающиеся всего коммунистического мира, заявив о наличии собственной точки зрения по ряду проблем. Как обнаружили с удивлением в Кремле, „ЦК КПК в вопросе об оценке роли Сталина с самого начала не во всем был согласен о ЦК КПСС“³². Достаточно прохладно отнеслись в Пекине и к тому, как трактовал Хрущев принцип мирного сосуществования государств с различными политическими системами. Дело дошло до того, что в Китае стали противопоставлять роль и значение VIII съезда КПК, состоявшегося в сентябре 1956 года, и XX съезда КПСС – „первый завершился в благоприятной обстановке, а второй – в путанице и неразберихе“³³.

Вместе с тем, судя по документам, имевшимся в нашем распоряжении, было неверно говорить, что китайцы (как считали многие) были решительными сторонниками проведения реформ в Польше и Венгрии. В информации советских представителей из Пекина указывалось, что реакция китайского руководства на события в Познани была даже более жесткой, чем в других социалистических странах³⁴. Что же

---

²⁹ Рабочая запись расширенного заседания Президиума ЦК КПСС с участием представителя ЦК КПК 24 октября 1956 г. // Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1005. Л. 51.

³⁰ Даже в неофициальных беседах, как подчеркивали советские представители в Пекине, китайцы начинали с того, что говорили о ведущей роли СССР в международном коммунистическом движении.

³¹ Правда. 1955. 9 февраля.

³² Отчет Посольства СССР в КНР за 1956 г. // ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 409. Л. 107.

³³ Запись беседы советника посольства СССР в КНР Н.Сударикова с помощником министра культуры КНР Ван Ланьси // Там же. Д. 485. Л. 45.

³⁴ Отчет Посольства СССР в КНР за 1956 г. // Там же. Д. 409. Л. 134. – Кроме того, достаточно было прочитать заголовки статей в китайских газетах того периода: „После мятежа в Познани

касается достаточно спокойной реакции Китая на процессы, происходившие в Польше и Венгрии до октября 1956 года, то она объяснялась, прежде всего, тем, что в Пекине вообще в этот период крайне мало интересовались европейскими делами, считая Восточную Европу сферой влияния СССР и уделяя свое внимание азиатским проблемам. В какой-то степени это устраивало и Советский Союз, в котором не могли не обратить внимание на то, что в КНР предпочитают получать информацию о событиях в Европе, главным образом из советских источников,

Лишь когда ситуация в Польше стала выходить из-под советского контроля, лидеры КНР стали проявлять „большую озабоченность в связи с польскими событиями“³⁵ и даже высказали Москве „некоторое недовольство недостаточным их информированием о развитии событий в Польше“³⁶. При этом в Пекине полностью одобряли все действия СССР, направленные на сохранение в Польше социалистического строя, не акцентируя особенно внимание на том, каким способом это может быть достигнуто. Достаточно спокойно отнесся к развитию ситуации в Польше и Лю Шаоци, которого советские руководители, учитывая претензии Пекина, специально пригласили на заседание Президиума ЦК КПСС вместе с лидерами ряда восточноевропейских стран для обсуждения положения в Польше и Венгрии. В то время как Ульбрихт, Новотный и другие обеспокоено говорили о том, что польское руководство выпустило развитие ситуации из-под контроля и о возможных последствиях этого, Лю Шаоци, одобряя „мероприятия ЦК КПСС по Польше“ и покритиковав немного Гомулку, перешел к обсуждению общетеоретических проблем, имевших больше отношение к делам китайским, чем к польским или венгерским³⁷.

Если Пекин в какой-то степени и сочувствовал польскому стремлению „идти к социализму своим путем“, то только к социализму и при этом никак не порывая с другими странами блока. Именно поэтому в Китае практически сразу же заявили, что нельзя ставить „на одну доску венгерские и польские события“, так как, в отличие от Польши, „правительство Надя объявило о выходе из Варшавского Договора“, поставив себя тем самым вне социалистического лагеря³⁸. Соответственно, Лю Шаоци на заседании Президиума ЦК КПСС решительно доказывал, что советские войска не следует выводить – они должны остаться в Венгрии и Будапеште³⁹, а в

порядок восстановлен“, „Приговор познаньским саботажникам“, „Вся Польша возмущена провокацией в Познани“ и др.

³⁵ Там же. Л. 106.

³⁶ Там же. Л. 108.

³⁷ Рабочая запись расширенного заседания Президиума ЦК КПСС с участием представителя ЦК КПК 24 октября 1956 г. // Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1005. Л. 52-53.

³⁸ Жэньминь жибао. 1956. 4 ноября.

³⁹ Рабочая запись расширенного заседания Президиума ЦК КПСС с участием представителя ЦК КПК 30 октября 1956 г. // Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1006. Л. 6.

дальнейшем Пекин регулярно запрашивал Москву – выходит Венгрия из социалистического лагеря или нет? Заявление Надя о выходе из Варшавского Договора вызвало не только безоговорочную поддержку Китаем советской военной акции в ноябре 1956 года в Венгрии, но и привело к тому, что когда впоследствии Надя был казнен, КНР оказалась единственной страной, где это сообщение было официально встречено „с удовлетворением“⁴⁰.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что Хрущев, столкнувшись с серьезными проблемами внутри социалистического лагеря, был вынужден обращаться за поддержкой к Мао Цзэдуну, невольно повышая тем самым авторитет последнего. Советский лидер не мог не сознавать, что в теоретическом плане Мао Цзэдун, автор ряда серьезных научных работ, превосходит его, однако в СССР какое-то время предпочитали закрывать глаза на попытки идеологов КПК объявить своего руководителя создателем „китайской, или азиатской, формы марксизма“. События 1956 года позволили Мао Цзэдуну претендовать уже на роль учителя коммунистического движения не только в Азии, но и в Европе, на что Москва реагировала крайне болезненно.

Из информации, поступавшей в ЦК КПСС, накануне и в ходе VIII съезда КПК, явствовало, что китайцы проводят активную пропагандистскую работу с делегатами из других стран (в том числе из Польши и Венгрии), основное содержание которой сводилось к признанию всеми Мао Цзэдуна величайшим марксистом после сталинской эпохи. В ответ, выступавший от имени КПСС Микоян произнес на съезде речь, в которой, говоря об успехах КНР в творческом применении марксизма, тут же оговаривался, что все это уже давно предвидел Ленин, как бы намекая на то, что КПК не внесла в эту теорию ничего нового⁴¹.

Однако уже спустя месяц высшему советскому руководству пришлось выслушивать в Москве (и выражать свое согласие!) критику Лю Шаоци, который в связи с событиями в Восточной Европе поучал Президиум ЦК КПСС, как надо себя вести („не навязывать своих взглядов, не критиковать друзей сразу через печать“ и т.п.)⁴². Одновременно в Пекине Мао Цзэдун „объяснял“ советскому послу П.Юдину, что одной из причин событий в Польше и Венгрии стала непродуманная советская по-

---

⁴⁰ Отчет Посольства СССР в КНР о работе за 1958 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 49. Д. 134. Л. 87. – Следует также отметить интересную информацию, содержащуюся в секретном письме корреспондента венгерского телеграфного агентства МТК Й.Патко, переданную им в середине 1961 г., в которой упоминалось неофициальное заявление одного из руководителей КПК о том, что КНР оказала в 1956 г. Советскому Союзу решающую помощь в организации военного вторжения в Венгрию // Там же. Д. 424. Л. 293.

⁴¹ Информация Посольства СССР в КНР об откликах китайской общественности на итоги VIII съезда КПК // Там же. Оп. 28. Д. 465. Л. 44.

⁴² Рабочая запись расширенного заседания Президиума ЦК КПСС с участием представителя ЦК КПК 24 октября 1956 г. // Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1005. Л. 52-52об.

литика: „Ленин и Сталин были оружием коммунистического движения в борьбе с империализмом, одно из которых мы отдали империалистам и направили против себя“⁴³. Москва была вынуждена выслушивать подобные наставления, ибо безоговорочная поддержка Китаем действий СССР была для Хрущева в тот момент очень важна.

Эта поддержка была необходима также и потому, что кризис в Польше и Венгрии постоянно порождал новые и новые проблемы. ЦК КПСС приходилось отвечать на самые разные запросы, приходившие советскому руководству в эти дни: от ЦК Румынской Рабочей Партии (как реагировать на статью в венгерской газете „Сабад неп“, фактически призывающую к ревизии вопроса о Трансильвании?)⁴⁴; от посла Венгрии в СССР Я.Болдоцкого (когда и каким образом венгерское правительство обращалось за военной помощью к СССР, так как его одолевают аналогичными вопросами иностранные дипломаты, а он сам ничего не знает?)⁴⁵; от посла Польши в СССР Левиковского (отказывать ли в транзитных визах венгерским студентам, пожелавшим в самый разгар событий в Венгрии проехать из СССР в Венгрию через Польшу?)⁴⁶ и т.п.

Наконец, уже в декабре 1956 года Хрущев получил удар от Тито, который (во многом под влиянием ареста Надя) не только повторил тезис Тольятти о том, что „советская система породила культ личности“, но и разделил все компартии на „сталинистские“ и „несталинистские“, призвав и тех, и других идти „новым курсом, который начат в Югославии“⁴⁷. Все это происходило на фоне мощнейшей антисоветской волны, вызванной реакцией всего мира на советское военное вторжение в Венгрию.

В Пекине постарались максимально использовать те затруднения, с которыми столкнулся Хрущев. Зная, что Москва с нетерпением ждет китайской реакции на выступление Тито, в КНР тянули очень долго с официальным ответом, заодно разжигая несбыточные иллюзии в Польше⁴⁸. Мао Цзэдун выступил также в роли последней инстанции в вопросе об урегулировании положения в социалистическом мире, включая отношения с югославами: в начале 1957 года Хрущев предложил со-

⁴³ Отчет Посольства СССР в КНР о работе за 1956 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 409. Л. 107.

⁴⁴ Справка МИД СССР в ЦК КПСС по сообщениям посла СССР в Венгрии Ю.Андропова // Там же. Ф. 69. Оп. 45. Д. 5. Л. 3.

⁴⁵ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР А.Громыко с послом Венгрии в СССР Я.Болдоцким // Там же. Д. 6. Л. 1.

⁴⁶ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.Зорина с послом Польши в СССР Левиковским // Там же. Д. 18. Л. 2.

⁴⁷ Постановление ЦК КПСС „О письме ЦК КПСС ЦК СКЮ от 10.01.57 г.“ // Там же. Д. 83. Л. 9-10.

⁴⁸ Как отмечал Н.Хрущев, „Китай долго не отвечал на эту речь, ... но когда выступил, поляки тоже поправились“ // Выступление Н.Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1957 г. / Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 139-140.

браться и обменяться мнениями представителям коммунистических партий стран Восточной Европы – Мао Цзэдун из Пекина поправил: не Восточной Европы, а всех социалистических стран; Хрущев хотел организовать эту встречу уже в феврале 1957 года – Мао Цзэдун выступил за более поздний срок, призвав советского лидера „не форсировать“⁴⁹ события.

И уже совсем апофеозом китайского торжества стала поездка Чжоу Эньлая („по приглашению советского правительства“, как неоднократно подчеркивали в Пекине) в Москву, а оттуда в Варшаву и Будапешт, в ходе которой Чжоу Эньлай, наслаждаясь ролью посредника и наставника, выставлял всем отметки. Поездка китайского эмиссара окончательно похоронила надежды польских и венгерских реформаторов на отличие позиции КПК от позиции КПСС в вопросах единства социалистического лагеря (Чжоу Эньлай ясно и четко объявил, что Польша и Венгрия должны оставаться в „едином советском строю“), а Хрущев был вынужден признать на приеме в китайском посольстве, что „имя Сталина неотделимо от марксизма-ленинизма“⁵⁰. Любопытно, что впоследствии это во многом вынужденно сделанное заявление Хрущеву припомнили как югославы („шаг назад от решений XX съезда“⁵¹), так и „антипартийная группа“ в ЦК КПСС во главе с Молотовым (когда приехал Чжоу Эньлай, „мы стали расписываться, что Сталин – это такой коммунист, как дай бог каждому, но когда уехал Чжоу Эньлай, мы перестали это делать“⁵²).

В Китае явно одобряли проводимый СССР процесс восстановления порядка в социалистическом лагере, понимая, что вопрос о сохранении господствующего положения Советского Союза был в тот момент главным гарантом единства восточного блока, в чем китайцы были явно заинтересованы. В отличие от Москвы, которая время от времени неприязненно реагировала на продолжающиеся проявления ревизионизма в Польше⁵³, в Пекине считали, что ни Гомулка, ни Кадар не выйдут из-под советского влияния, а потребности экономики приведут Польшу и Венгрию в конечном итоге к более тесному сотрудничеству в рамках восточного блока⁵⁴. Эту уверенность китайцы смогли внушить и советским лидерам. В отличие от конца 1956 года Хрущев уже через несколько месяцев достаточно спокойно говорил о том, что „в Польше не все так, как мы хотели бы“, однако Гомулка действует правильно: он то-

---

⁴⁹ Там же. Л. 134.

⁵⁰ Правда. 1957. 19 января.

⁵¹ Выступление Н.Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1957 г. // ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 219. Л. 141.

⁵² Выступление В.Молотова на Пленуме ЦК КПСС 24 июня 1957 г. // Там же. Д. 239. Л. 27.

⁵³ См. например, резкую критику в „Правде“ 23 декабря 1956 г. ряда публикаций в польской печати.

⁵⁴ Отчет Посольства СССР в КНР об итогах работы за 1956 г. // ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 409. Л. 144.

же „не со всем согласен, но он не все может сделать то, что хочет“⁵⁵. Соответственно, в Москве стали более спокойно относиться к переменам в „послеоктябрьской“ Польше (деколлективизация сельского хозяйства, более тесные контакты с римско-католической церковью и т.д.), учитывая, что Гомулка оставался в целом приверженцем просоветской линии.

Таким образом, несмотря на череду бурных потрясений 1956 года, Советский Союз сумел сохранить не только свою главенствующую роль в коммунистическом мире, но и в какой-то степени укрепил контроль за жизнью и деятельностью своих союзников. В то же время в этот период зародился (пока еще в скрытой форме) конфликт между взглядами КПСС и КПК на дальнейшее развитие коммунистических идей. Впервые после 1917 года советская компартия была вынуждена обращаться за поддержкой к коммунистической организации другого государства, прислушиваться к ее советам и рекомендациям.

В свой актив китайские лидеры могли занести и тот факт, что, провозгласив под влиянием XX съезда КПСС политику плюрализма политических идей („Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ!“), КПК не допустила развития событий по польскому или венгерскому образцу. Мао Цзэдуну при этом даже пришлось успокаивать напуганных событиями в Восточной Европе советских руководителей⁵⁶, говоря, что „в Китае не могут возникнуть события, подобные венгерским“⁵⁷, а вся политика КПК в этой области сводится лишь к тому, чтобы „вызвать в стране малую и контролируруемую Венгрию“, т.е. выявить антисоциалистические силы и затем разгромить их⁵⁸.

События 1956 года окончательно похоронили сталинизм, как идеологию взаимоотношений внутри коммунистического блока. Хотя восстание в Венгрии было подавлено в стиле сталинских традиций, а Хрущеву пришлось сделать несколько „реверансов“ в адрес разоблаченного им же Сталина, возврата к прошлому уже не было. Декларация от 30 октября 1956 года, в которой говорилось о том, что страны социализма „могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга“⁵⁹, отказ от едино-

⁵⁵ Выступление Н.Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1957 г. // Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 219. Л. 139-140.

⁵⁶ В Москву поступали обеспокоенные сообщения советских дипломатов о том, что в КНР критика КПК и коммунистических принципов „получила очень серьезное развитие“ // Запись беседы группы советских дипломатов и специалистов в КНР с заместителем Госсовета КНР Ян Фанчжи / Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 407. Л. 151.

⁵⁷ Информация Посольства СССР в КНР об откликах китайской общественности на итоги VIII съезда КПК // Там же. Д. 465. Л. 29.

⁵⁸ Информация Посольства СССР в КНР о курсе КПК // Там же. Оп. 49. Д. 494. Л. 91.

⁵⁹ Правда. 1956. 31 октября.

образия во взаимоотношениях с различными странами Восточной Европы, ликвидация просталински настроенной группировки внутри самого ЦК КПСС – все это создало предпосылки для формирования новой системы политических отношений внутри коммунистического лагеря. В то же время усиление позиций Китая, его активная роль в разрешении политических кризисов 1956 года породили рост политических амбиций китайских лидеров, их претензии на особую роль как в системе социалистического лагеря, так и в формировании и развитии коммунистической идеологии второй половины XX столетия.